

прямо глупой разстановкой словъ. Такое калѣченіе языка не только не вознаграждаетъ за утрату истиннаго метра, но, напротивъ, заставляетъ жалѣть о простой, но трезвой и правильной прозѣ. Въ переводѣ „Монастыря“ размѣрности нѣтъ, но все же онъ далеко не передаетъ стиль подлинника. Сжатые и мѣткія выраженія Э. Верхарна обращены здѣсь въ растянутыя фразы и общія мѣста.

Викторъ Гофманъ.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ, объяснительнымъ указателемъ и снимкомъ съ античнаго бюста Еврипида, И. О. Анненскаго. С.-Пб. Т-во „Просвѣщеніе“.

Заслуженная извѣстность г. Анненскаго, какъ ученаго филолога, въ значительной мѣрѣ предрѣшаетъ оцѣнку его выдающагося и добросовѣтнаго труда. Г. Анненскій въ совершенствѣ владѣетъ и языкомъ оригинала и русскимъ стихомъ: онъ знаетъ, что переводить, и въ силахъ исполнить переводъ такъ, какъ хочетъ.

Поэтому возражать г. Анненскому можно, лишь оспаривая методы его работы.

Прежде всего, насъ рѣшительно не удовлетворяетъ языкъ перевода, повидимому, сознательно избранный переводчикомъ. Мы считаемъ рѣшительно неумѣстными въ переводѣ съ древне-греческаго латинизмы, галлицизмы и германизмы, каковы, напр., у г. Анненскаго: сентенція (стр. 405), корпусъ (560), фальшивый (294), шарлатанскій (307), на манеръ (317), трауръ (322), герольды (373), узурпаторъ (374), ватерпасъ (390), султаны (78), тонъ (81), трюкъ (563), бантъ (510), маршъ (587), банкетъ (151), шкиперъ (164), барьеръ (195) и т. д.—Все это (по смыслу адекватное подлиннику исполнѣ) странно и непріятно звучитъ въ устахъ древнихъ эллиновъ, героевъ и боговъ, и уже совсѣмъ не вяжется ни съ умѣренными славянизмами (сидѣ, вспять и т. д.), ни съ простонародными реченіями (путина, перекидка), охотно допускаемыми г. Анненскимъ.

Затѣмъ не согласны мы и съ размѣрами, избранными переводчикомъ. Въ діалогѣ г. Анненскій несправедливо замѣняетъ музыкальный ямбическій триметръ болѣе короткимъ и однообразнымъ пятистопнымъ ямбомъ (правда—почти всегда цезурованнымъ). Урѣзая строки и число ихъ, переводчикъ постоянно долженъ былъ жертвовать образами и оттѣнками выраженій Еврипида. Между тѣмъ Вяч. Ивановъ въ своемъ „Танталѣ“ непобѣдимо доказалъ, что ямбическій триметръ не менѣе свойственъ русскому языку, чѣмъ нѣмецкому („Фаустъ“, II часть). Пожалуй, еще неудачнѣе у г. Анненскаго выборъ размѣровъ для передачи хоровыхъ частей. Какъ бы спорны ни были ихъ схемы—въ русскомъ языкѣ есть размѣры, соотвѣтственные грече-

скимъ. Достаточно даль для этого указаній и путей тотъ же Вяч. Ивановъ въ „Танталъ“ и переведенныхъ имъ изъ Пиндара и Вакхилида одъ и дионирамбъ. Также нельзя согласиться съ внесениемъ въ переводъ г. Анненскаго рѣимъ, правильныхъ дактилей и т. д.

Вотъ два отрывка изъ хоровъ Ипполита и Медеи, сличенные съ подлинникомъ*. Скобки налѣво — опущенное у г. Анненскаго; направо—введенное имъ въ текстъ.

Ипполитъ. (Прослѣдуйте, благоговѣя, прослѣдуйте)	О, возславте гимномъ, (други,)
къ Діевой—къ небесной	(Золотую) Діа дочь,
Артемидѣ, что радуеть насъ	Артемиду, нашу радость!
Охотники. О владычица, (владычица досточтимѣйшая)	Дѣва Владычица,
Зевсова отрасль—	Радуйся, (сильная)
(радуйся) радуйся ты! о дочь	Зевсова дочь!
Латоны и Зевса, (Артемиды!)	Чада Латои нѣтъ
Межъ дѣвственницъ — многопрекраснѣйшая—	Въ мирѣ прекраснѣе.
ты, что на выси неба	О, Артемиды, (намъ
пробываешь (въ славно) отцовскомъ	Нѣтъ и милѣ тебя:)
(дворѣ), (въ Зевсовомъ домѣ)	Въ златомъ украшенныхъ
многозлатномъ...	Залахъ отца боговъ
(Радуйся, о прекраснѣйшая—	(Сколько чарующихъ,)
о прекраснѣйшая на Олимпѣ)	Сколько небесныхъ дѣвъ.
изъ дѣвственницъ—о, Артемиды!	Ты между нихъ одна
	Дѣвственно (чистая,)
	(Солнца отраднѣе)
	Ты, Артемиды, (намъ.) (Стр. 269).
Хоръ изъ Медеи:	Первый музыкальный антрактъ.
Строфа I: Назадъ рѣкъ святыхъ потекли истоки;	Рѣки священныя вспять потекли,
и правда (и все назадъ обращается.)	Правда осталась, но та ли?
У мужей — коварны клятвы и богамъ нѣтъ	(Горныя выси коснулись земли,)
болѣ вѣрности ненарушимой.	Имя боговъ попирая (въ пыли,)
И мою жизнь—въ добрую славу молва обратить!	Мужи коварными стали...
Подходить почетъ для рода женскаго.	Вѣрно, и наша худая молва
И вновь неблагозвучныя пѣсни женщины не коснутся...	Тоже хвалою обратится,
	И полетять золотыя слова
	Женамъ въ усладу, (что птица)
	(160).

* По изданіямъ: Ипполитъ—H. Veil (Paris 1897) и Медея—N. Wecklein Leipzig 1880).

Комментаріи къ пьесамъ I тома (Алкеста, Медея, Ипполитъ, Гераклъ, Іонъ, Киклопъ) очень интересны и цѣнны.

Владимиръ Ниландеръ.

Л. Ануфриева. Разсказы. Книга I. С. Петербургъ. 1908. Ц. 80 к.
Книга г-жи Ануфриевой—презабавная мозаика заимствованныхъ стилей. Три писателя держать въ плѣну ея воображеніе: Л. Андреевъ, А. Ремизовъ и Л. Зиновьева-Аннибалъ.

Вотъ три примѣра, три лубочныя загадочныя картинки, откуда выглядываютъ карикатурно искаженныя знакомыя лица.

1.—„Она полубезсознательно слышала:

Гляжу, а онѣ...

Пресвятая Богородица...

Много нынче ихъ.

Отойдите, отойдите, господа, что смотрѣть?

...если бы изъ воды, такъ медаль бы“...—Ремизовъ—„Прудъ“.

2.—„Изъ-за угла выскакиваетъ вдругъ вихрь—сбѣжавшій буйный сумасшедшій. Набрасывается на нее.

Заламываетъ шляпу. Закручиваетъ подолъ. Останавливаетъ.

Отпускаетъ. Бѣжитъ дальше.

Опять дуетъ.

Слышится гулкой топотъ подкованныхъ ногъ, стройныхъ, породистыхъ.

Прилично-протяжное шлепанье шинъ.

Колеса мелькающія, сливающіяся.

Много колесъ.

Набережная“...—Зиновьева-Аннибалъ—„Трагическій Звѣринецъ“.

И, наконецъ, вотъ Л. Андреевъ, впрочемъ, потерявшій всю яркость своихъ красокъ, въ разсказѣ „Мясо“, пропагандирующемъ вегетарианскую кухню:

„Переставъ толкать, для чего-то непріятнаго туго притягивали и привязывали веревку отъ роговъ къ полу. И оттого ли, что несвободная теперъ голова такъ необыкновенно была пригнута къ землѣ или что именно сейчасъ пахло чѣмъ-то такимъ необычайнымъ, тепло-липкимъ,—въ душѣ вдругъ проскальзывало что-то слѣпо тревожное, страшное, и страстно хотѣлось назадъ, прочь“.

Изъ трехъ стилей, столь различныхъ по внѣшнимъ чертамъ и внутренней художественной цѣнности, да еще вывернутыхъ на изнанку безперемонными руками, получилось нѣчто исключительное по безвкусію. Что же касается „направленія“ разсказовъ, то оно плѣняетъ насъ очаровательно наивнымъ дамскимъ либерализмомъ и гуманностью.

Нина Петровская.